

Valova, Ljudmila

Семантические типы предела и аспектуальные условия их реализации

Opera Slavica. 2014, vol. 24, iss. 4, pp. 23-32

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/131982>

Access Date: 01. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Людмила Валова

Семантические типы предела и аспектуальные условия их реализации

В статье рассматриваются различные семантические типы предела глагольного действия. На основании выявленных аспектуальных структур целостных художественных текстов проанализированы аспектуальные условия реализации таких типов предела, как абсолютный, потенциальный, неактуальный потенциальный, внешний и имплицитный.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория аспектуальности; аспектуальная ситуация; предельность; типы предела; целостный художественный текст

Semantic Types of Bound and Aspectual Conditions of their Realization

The article considers the various semantic types of verbal action bound. Based on identified aspectual structures of holistic artistic texts, and analyzing the aspectual conditions for implementing these types of bound, it can be concluded that, there are the following types of bound: absolute, potential, non-actual potential, external and implicit.

Key words: functional semantic category of aspectuality; aspectual situation; boundedness; types of bound; holistic artistic text

К аспектуальным характеристикам, как известно, относятся семантические признаки предельности, длительности, фазовости, кратности, перфектности¹. Параметр наличия/отсутствия внутреннего предела в грамматической семантике глагольной формы наряду с признаком целостности служит определяющим при дифференциации совершенного вида (СВ) и несовершенного вида (НСВ). Под семантическим признаком предела подразумевается ограничение действия во времени².

¹ BONDARKO, A. V.: *Grammatičeskaja kategorija i kontekst*. Leningrad, Nauka, 1971., BONDARKO, A. V.: *Limitativnost' i glagol'nyj vid v russkom jazyke*. In: Funkcional'nyje aspekty grammatiki russkogo jazyka. Učenyje zapiski Tartuskogo universiteta, вып. 719, 1985, 23–43., BONDARKO, A. V.: *O značenijach vidov russkogo glagola*. In: Voprosy jazykoznanija, 1990, № 4, 5–25, MASLOV, Ju. S.: *K osnovanijam sopostavitel'noj aspektologii*. In: Voprosy sopostavitel'noj aspektologii. Leningrad, 1978, 4–44, *Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenije. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis*. Leningrad, Nauka, 1987.

² *Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenije. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis*. Leningrad, Nauka, 1987, 46.

Следует признать семантическую близость категорий предельности и длительности: в рамках обеих языковых категорий рассматриваются временные границы протекания действия. Однако в данной статье, описывая условия проявления категории лимитативности на уровне текста, мы сознательно абстрагируемся от собственно «длительных» характеристик (степень длительности, прерывность/непрерывность действия и пр.),³ а внимание сосредоточим на дифференциации различных содержательных типов предела. Материалом для исследования послужили художественные тексты⁴, которые, как известно, обладают высокой степенью глагольности, многоплановость же художественного повествования позволяет видо-временным глагольным формам проявиться во всем многообразии аспектуальной семантики. Анализ проявления категории предельности на уровне широкого контекста позволил выделить различные семантические типы предела, а также выявить закономерности их реализации в аспектуальных ситуациях (АС) разных видов⁵.

Абсолютный предел

Собственно предельность, то есть внутренний, реальный, абсолютный предел — прерогатива аспектуальной ситуации конкретного факта, формирующейся в основном глаголами СВ, а следовательно, передающей целостные, ограниченные пределом действия, например:

Доктор поморщился и щелкнул языком⁶.

Мы привели типичный пример реализации глагольных форм совершенного вида, обладающих абсолютным пределом, в аспектуальной ситуации конкретного факта.

Однако «расширенный» подход к понятию аспектуальной ситуации, позволяющий ряд предложений, характеризующихся однородной аспектуальной семантикой глагольных форм, рассматривать как единую АС⁷, позволил выявить иные аспектуальные условия реализации предельных действий, например:

³ Об особенностях выражения семантического признака длительности в целостном художественном тексте см.: VALOVA, L.: *Osobnosti vyrazenija semantičeskogo priznaka dlitel'nosti na urovne celostnogo chudožestvennogo teksta*. In: Opera Slavica XXIII, 2013, č 4, 17–24.

⁴ BUNIN, I.: *Solnečnyj udar*. <http://lib.ru/BUNIN/buninoz.txt>, KUPRIN, A.: *Allez!* <http://lib.ru/LITRA/KUPRIN/allez.txt>, NABOKOV, V.: *Katastrofa*. <http://lib.ru/NABOKOW/catastrophe.txt>

⁵ По нашему мнению, можно говорить о шести типах аспектуальных ситуаций: конкретного факта, конкретного процесса, постоянного отношения, обобщенного факта, повторных действий, характерных действий.

⁶ NABOKOV, V.: *Katastrofa*. <http://lib.ru/NABOKOW/catastrophe.txt>

⁷ VALOVA, L. V.: *Aspektual'naja situacija kak tekstovaja jedinica*. In: VERBUM: jazyk, tekst, slovar': Sb. nauč. tr.: Posvjaščajetsja jubileju L. G. Babenko. Jekaterinburg, 2006, 359–360, VALOVA, L. V.: *Aspektual'naja semantika narrativa*. In: Aktual'nyje problemy gumanitarnykh i jestestvennykh nauk, 2013, № 09 (56), 164–166.

В пустом цирке темно и холодно. Кое-где, едва **прорезавшись** сквозь стеклянный купол, лучи зимнего солнца **ложатся** слабыми пятнами на малиновый бархат и позолоту лож, на щиты с конскими головами и на флаги, украшающие столбы; они **играют** на матовых стеклах электрических фонарей и **скользят** по стали турников и трапещий там, на страшной высоте, где **перепутались** машины и веревки. Глаз едва **различает** только первые ряды кресел, между тем как места за ложами и галерея совсем **утонули** во мраке⁸.

В приведенном фрагменте обширной АС конкретного процесса, организуемой в основном глагольными формами несовершенного вида, выделяются действия, обозначенные деепричастием СВ *прорезавшись* и индикативами *перепутались*, *утонули*, характеризующимися, в отличие от остальных, своей предельностью. И личные формы, и деепричастие обладают дополнительным признаком перфектности, что и оправдывает их функционирование в процессной ситуации: *лучи зимнего солнца прорезались, машины и веревки перепутались, места за ложами и галерея утонули во мраке* — и остаются в таком состоянии. Наличие признака перфектности у отмеченных видовременных глагольных форм позволяет рассматривать данные предельные действия в контексте АС конкретного процесса.

Наличие признака перфектности оправдывает функционирование глагольных форм с конкретно-фактическим значением и в ситуации постоянного отношения:

*Улица была широкая и веселая. Полнеба охватил закат. Верхние ярусы и крыши домов были дивно озарены. [...] Волнуясь и блистая, празднично и воздушно уходила в небесную даль вся эта зодческая прелесть*⁹.

Приведенная АС постоянного отношения формируется предикатами *была широкая и веселая, были озарены, уходила* в постоянно-непрерывном частном видовом значении и деепричастиями НСВ *волнуясь, блистая*, обладающими конкретно-процессным значением. Предельность перфектного действия, выраженного предикатом *охватил*, вписывается в контекст длительных, непредельных действий.

Говоря о неординарных условиях выражения семантики абсолютного предела, следует остановиться на АС обобщенного факта, по своей природе не допускающей целостных действий. В анализируемом рассказе И. Бунина «Солнечный удар» встретился один пример отмеченного нетрадиционного употребления, что и потребовало учета возможного выражения предельности в аспектуальной ситуации обобщенного факта:

И блаженно и страшно замерло сердце при мысли, как, вероятно, крепка и смугла она вся под этим легким холстинковым платьем после целого месяца лежа

⁸ KUPRIN, A.: *Allez!* <http://lib.ru/LITRA/KUPRIN/allez.txt>

⁹ NABOKOV, V.: *Katastrofa*. <http://lib.ru/NABOKOV/catastrophe.txt>

ния под южным солнцем, на горячем морском песке (она **сказала**, что **едет** из Анапы)¹⁰.

Приводим более обширный контекст, с тем чтобы определение аспектуальной семантики анализируемой АС как обобщенного факта было оправданным. Кажущаяся неоднородность действий, выраженных глагольными формами *сказала* и *едет* стирается, если абстрагироваться от семантического признака конкретности, который нивелируется в данной АС. В ситуации обобщенного факта не релевантны особенности протекания того или иного действия — важен сам факт его констатации: героиня добирается, направляется именно из Анапы, а не в Анапу. Предельность глагольной формы совершенного вида *сказала* в данном контексте также не релевантна: ср.: *она говорила, что едет из Анапы*, то есть перед нами случай конкуренции видов, чем и объясняется наличие семантического признака предельности в АС обобщенного факта.

Потенциальный предел

Помимо абсолютного предела в анализируемом материале зафиксированы случаи реализации иных семантических типов предела. Так, ситуации конкретного факта, помимо форм индикатива с соответствующим аспектуальным значением, могут включать деепричастия несовершенного вида, обладающие потенциальным пределом и, следовательно, логически вписывающиеся в цепочку предельных фактов:

*Он не спеша **встал**, не спеша **умылся**, **поднял занавески**, **позвонил и спросил** самовар и счет, [...]. Потом **приказал** привести извозчика, вынести вещи и, **садясь** в пролетку, на ее рыжее, выгоревшее сиденье, **дал** лакею целых пять рублей.*

— *А похоже, ваше благородие, что это я и привез вас ночью! — весело **сказал** извозчик, **берясь** за вожжи¹¹.*

В приведенном фрагменте объемной АС конкретного факта деепричастные формы *садясь* и *берясь* обладают потенциальным пределом, позволяющим их трансформацию в деепричастия СВ *сев* и *взявшись* без принципиального семантического изменения, негативно влияющего на восприятие содержания. Таким образом, можно заключить, что деепричастия НСВ с потенциальным пределом сближаются по аспектуальной семантике с аористической разновидностью конкретно-фактического частного видового значения СВ в рамках АС конкретного факта.

¹⁰ BUNIN, I.: *Solnečnyj udar*. <http://lib.ru/BUNIN/buninoz.txt>

¹¹ BUNIN, I.: *Solnečnyj udar*. <http://lib.ru/BUNIN/buninoz.txt>

Глагольные формы НСВ, обладающие потенциальным пределом, ведут себя иначе в аспектуальной ситуации конкретного процесса, например:

*Впереди была темнота и огни. Из темноты бил в лицо сильный, мягкий ветер, а огни неслись куда-то в сторону: пароход с волжским щегольством круто описывал широкую дугу, подбегая к небольшой пристани*¹².

В приведенной АС сосредоточены как непредельные действия *была, бил, неслись*, так и процессы, обладающие потенциальным пределом *описывал, подбегая*. Причем потенциальная предельность нивелируется аспектуальной семантикой конкретного процесса, в которой релевантным является не возможность достижения временной границы, а именно длительность, процессность действия. В рамках конкретно-процессной АС, в отличие от предыдущего примера АС конкретного факта, трансформация форм *описывал, подбегая в описал, подбежав* нежелательна, ввиду изменения содержания высказывания.

Неактуальный потенциальный предел

Анализ материала выявил еще одну особенность проявления семантической категории лимитативности, которую мы назвали «неактуальный потенциальный предел». Это, как правило, функционирование глаголов в переносном значении в рамках аспектуальной ситуации постоянного отношения, например:

*Извозчик остановился возле освещенного подъезда, за раскрытыми дверями которого круто поднималась старая деревянная лестница, [...]*¹³.

Глагольная форма *поднималась*, организующая АС постоянного отношения и обладающая реляционным значением, вне контекста (в прямом значении глагола *подниматься*) характеризуется возможностью достижения предела. Однако в контексте, номинирующем не действие, а состояние, потенциальный предел не актуален.

Судя по результатам анализа, выделяемый семантический тип предела может иметь место в АС постоянного отношения, где любое проявление предельности размывается семантикой экзистенциальности, а также в АС характерных действий, где регулярность повторений тех или иных процессов тяготеет к постоянной характеристике и, следовательно, может создавать аналогичные условия для проявления неактуального потенциального предела.

В течение года она ездила за ним из города в город. Она стерегла брильянты и медали Менотти во время его выходов, надевала на него и снимала трико,

¹² BUNIN, I.: *Solnečnyj udar*. <http://lib.ru/BUNIN/buninoz.txt>

¹³ BUNIN, I.: *Solnečnyj udar*. <http://lib.ru/BUNIN/buninoz.txt>

*следила за его гардеробом, помогала ему дрессировать крыс и свиней, растирала на его физиономии кольдкрем и — что всего важнее — верила с пылом идолопоклонника в его мировое величие*¹⁴.

Как видно из примера аспектуальной ситуации характерных действий, регулярность перечисленных процессов, перерастающих в характеристику субъекта, нивелирует потенциальную предельность отдельных действий (*сняла, надевала, растирала*), ставя их в один ряд с непредельными процессами.

Внешний предел

Известно, что семантика предела не всегда передается собственно глагольной формой: на ограничение протекания действия могут указывать различные контекстуальные средства, в таком случае говорят о пределе внешнего характера¹⁵.

Действия, ограниченные внешним пределом, как правило, проявляются в аспектуальных ситуациях конкретного факта и конкретного процесса. Так, типично употребление деепричастий несовершенного вида, обладающих конкретно-процессным значением, в аспектуальной ситуации конкретного факта, которая, собственно и служит контекстуальным средством лимитирования процессов, например:

*Марк виновато улыбнулся и вышел на площадку. Схватился обеими руками за железные поручни, подался вперед, рассчитывая прыжок. Внизу гладким, блестящим потоком стремился асфальт. Марк спрыгнул*¹⁶.

Приведенный фрагмент АС конкретного факта демонстрирует пример соотношения непредельного (если не выходить за рамки анализа словоформы) процесса *рассчитывая* с целостными фактами, служащими внешними ограничителями процессности. Протекание действия, обозначенного деепричастием, лимитировано временем совершения конкретного факта *подался*, а также временным промежутком, в течение которого развивалась следующая АС конкретного процесса (*Внизу гладким, блестящим потоком стремился асфальт*) до наступления очередного конкретного факта *прыгнул*.

В ситуациях конкретного процесса может проявляться ограничение действия внешним пределом иного плана. Как правило, таким средством лимитирования оказывается глагольная форма НСВ, обладающая потенциальным пределом, например:

¹⁴ KUPRIN, A.: *Allez!* <http://lib.ru/LITRA/KUPRIN/allez.txt>

¹⁵ BONDARKO, A. V.: *Limitativnost' i glagol'nyj vid v russkom jazyke*. In: *Funkcional'nyje aspekty grammatiki russkogo jazyka. Učenyje zapiski Tartuskogo universiteta*, вып. 719, 1985, 24; *Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenije. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis*. Leningrad, Nauka, 1987, 46.

¹⁶ NABOKOV, V.: *Katastrofa*. <http://lib.ru/NABOKOW/catastrophe.txt>

*Темная летняя заря потухала далеко впереди, сумрачно, сонно и разноцветно отражаясь в реке, еще кое-где светившейся дрожащей рябью вдали под ней, под этой зарей, и плыли и плыли назад огни, рассеянные в темноте вокруг*¹⁷.

Предикат *потухала*, характеризующийся потенциальным пределом, воздействуя на параллельное действие, названное деепричастием *отражаясь*, служит внешним ограничителем протекания последнего: *отражалась до тех пор, пока не потухла*.

Анализ структурирования аспектуальной семантики на уровне целостного текста позволил нам расширить понимание внешнего предела. Роль контекстуальных ограничителей, на наш взгляд, могут играть не только грамматические средства внутри анализируемой АС, но и граничащие с ней аспектуальные ситуации, например:

*В десять часов утра, [...], она, эта маленькая безымянная женщина, [...], уехала. Спали мало, но утром, выйдя из-за ширмы возле кровати, в пять минут умывшись и одевшись, она была свежа, как в семнадцать лет*¹⁸.

Ситуация конкретного процесса, формирующаяся глагольной формой *спали*, выражает лимитированное во времени протекание действие, что обусловлено контекстуально: как лексическим средством *мало*, так и аспектуальным окружением — последующими конкретными фактами *выйдя, умывшись, одевшись*.

Однако внешний предел действия не всегда встречается в «чистом виде» — весьма часто лимитированность действия обусловлена целым комплексом причин, например:

— *Странное приключение! — сказал он вслух, смеясь и чувствуя, что на глазах его наворачиваются слезы. [...] И он почувствовал, что просто нет сил смотреть теперь на эту постель*¹⁹.

Так, приведенный фрагмент объемной АС конкретного факта и вклинивающаяся в нее ситуация конкретного процесса (*чувствуя, что на глазах его наворачиваются слезы*) демонстрируют интересное сплетение различных средств, лимитирующих протекание действия. Процесс, выраженный деепричастием *смеясь* не воспринимается как неопредельный ввиду влияния целостного конкретного факта *сказал*, по отношению к которому действие, названное деепричастной формой, определяется как параллельное. Глагольные формы *чувствуя, наворачиваются*, организующие АС конкретного процесса, в окружении конкретных фактов утрачивают релевантность неопредельности, что подтверждает возможная трансформация форм выражения, не приводящая к принципиальному изменению содержания: *почувствовав, что на глазах наворачиваются (навернулись) слезы*. Возможность видового изменения

¹⁷ BUNIN, I.: *Solnečnyj udar*. <http://lib.ru/BUNIN/buninoz.txt>

¹⁸ BUNIN, I.: *Solnečnyj udar*. <http://lib.ru/BUNIN/buninoz.txt>

¹⁹ BUNIN, I.: *Solnečnyj udar*. <http://lib.ru/BUNIN/buninoz.txt>

предиката *навертываются* обусловлена потенциальной предельностью. Таким образом, приведенный пример демонстрирует различные виды семантики предела: реальный, потенциальный и внешний.

Имплицитный предел

Как известно, предел может выражаться имплицитно, то есть подразумеваться в определенных контекстуальных условиях. Традиционно имплицитный предел связывают с позицией нейтрализации видового противопоставления и конкуренции видов²⁰. Отмеченная нейтрализация видового противопоставления может иметь место преимущественно в АС конкретного процесса. В рассказе А. Куприна «Allez!» встретилась объемная ситуация конкретного процесса, повествование в которой ведется в форме настоящего изобразительного времени и которая служит своеобразной преамбулой, предваряющей рассказ о жизни и смерти героини. Особенности содержания высказывания позволяют охарактеризовать общую предельность всей АС как имплицитную и, соответственно, на этом фоне говорить о пределах других типов.

*Маленькая Нора слышит за своей спиной ее (лошади) нервные движения и дрожит еще больше. Две мощные руки обхватывают ее за талию и легко взбрасывают на спину лошади, на широкий кожаный матрац. Почти в тот же момент и стулья, и белые столбы, и тиковые занавески у входов — все сливается в один пестрый круг, быстро бегущий навстречу лошади. Напрасно руки замирают, судорожно вцепившись в жесткую волну гривы, а глаза плотно сжимаются, ослепленные бешеным мельканием мутного круга. Мужчина в цилиндре ходит внутри манежа, держит у головы лошади конец длинного бича и оглушительно щелкает им...*²¹

В приведенном фрагменте АС конкретного процесса реализованы различные семантические типы предела. Так, характеризуя глагольные формы *обхватывают, взбрасывают, сливается, замирают, сжимаются*, следует отметить помимо имплицитного потенциальный предел конкретных процессов. Лексический показатель *почти в тот же момент* служит дополнительным средством, лимитирующим процесс *сливается*. Деепричастная форма СВ *вцепившись* оказывает воздействие на предикат *замирают*, вследствие чего последний характеризуется помимо имплицитного и потенциального предела еще и внешней лимитированностью.

Кроме отмеченных специфических контекстуальных условий, связанных с формой настоящего изобразительного времени, предельность может подра-

²⁰ Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenije. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovanost'. Taksis. Leningrad, Nauka, 1987, 46.

²¹ KUPRIN, A.: *Allez!* <http://lib.ru/LITRA/KUPRIN/allez.txt>

зумеваются, на наш взгляд, в аспектуальной ситуации повторных действий. Именно многократность свершения действия предполагает, что оно прекращается на определенном этапе, с тем чтобы быть произведенным вновь:

*Каждый раз, проходя мимо человека в цилиндре, лошадь косится на хлыст, торчащий у него из-под мышки, и тревожно храпит, прядая, влечет за собой упирающегося конюха*²².

В приведенной АС только форма деепричастия *проходя* характеризуется потенциальным пределом, в отношении остальных видо-временных форм можно говорить лишь о реализации имплицитного предела, обусловленного общей аспектуальной семантикой приведенной ситуации. Повторность действий в данной АС определяется контекстуальным средством *каждый раз*. Действия *косится, храпит, прядая, влечет*, несмотря на принадлежность глагольных форм к НСВ и пассивность семантической категории лимитативности, тем не менее ограничены во времени протекания контекстуально: многократность свершения действий может быть обусловлена регулярной их завершенностью.

Анализ закономерностей распределения аспектуальной семантики в рамках целостного текста позволяет более полно описать семантические признаки функционально-семантической категории аспектуальности, в частности различные типы предела глагольного действия. Так, исследование, не ограниченное рассмотрением аспектуальных характеристик на уровне отдельного предложения, способствовало выявлению дополнительных условий проявления предельности. Можно утверждать, что аспектуальные ситуации конкретного факта и конкретного процесса — наиболее благоприятная среда для проявления различных семантических типов предела. Остальные АС допускают реализацию лимитированности действия в особых контекстуальных условиях: в аспектуальных ситуациях постоянного отношения и характерных действий может проявиться неактуальный потенциальный предел; в АС обобщенного факта — абсолютный предел; в АС повторных действий — имплицитный предел.

Литература:

- BONDARKO, A. V.: *Funkcional'naja grammatika*. Leningrad, Nauka, 1984.
 BONDARKO, A. V.: *Grammatičeskaja kategorija i kontekst*. Leningrad, Nauka, 1971.
 BONDARKO, A. V.: *Kategorial'nye situacii (k teorii funkcional'noj grammatiki)*. In: *Vo-prosy jazykoznanija*, 1983, № 2, 12–20.
 BONDARKO, A. V.: *Limitativnost' i glagol'nyj vid v russkom jazyke*. In: *Funkcional'nyje aspekty grammatiki russkogo jazyka*. Učenyje zapiski Tartuskogo universiteta, vyp. 719, 1985, 23–43.

²² KUPRIN, A.: *Allez!* <http://lib.ru/LITRA/KUPRIN/allez.txt>

- BONDARKO, A. V.: *O značenijach vidov ruskogo glagola*. In: Voprosy jazykoznanija, 1990, № 4, 5–25.
- BONDARKO, A. V.: *Osnovy funkcional'noj grammatiki*. Sankt-Peterburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2001.
- BONDARKO, A. V.: *Predel'nost' i glagol'nyj vid (na materiale ruskogo jazyka)*. In: Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka, t. 50, № 3, 1991, 195–206.
- BONDARKO, A. V.: *Semantika predela*. In: Voprosy jazykoznanija, 1986, № 1, 14–25.
- BONDARKO, A. V.: *Vid i vremja ruskogo glagola (značenije i upotreblenije)*. Moskva, Prosveščeniye, 1971.
- MASLOV, Ju. S.: *K osnovanijam sopostavitel'noj aspektologii*. In: Voprosy sopostavitel'noj aspektologii. Leningrad, 1978, 4–44.
- MASLOV, Ju. S.: *Rezultativ, perfekt i glagol'nyj vid*. In: Tipologija rezultativnych konstrukcij. Leningrad, 1983, 41–54.
- MATEZIUS, V.: *O sistemnom grammatičeskom analize*. In: Pražskij lingvističeskij kružok, sb. statej. Moskva, 1967, 226–238.
- MELIG, Ch. R.: *Semantika predloženiya i semantika vida v ruskom jazyke*. In: Novoje v zarubežnoj lingvistike, vyp. XV. Moskva, 1985, 227–249.
- TEN'JER, L.: *Osnovy strukturnogo sintaksisa*. Moskva, Progress, 1988.
- Teorija funkcional'noj grammatiki: Lokativnost'. Bytijnost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'*. Sankt-Peterburg, Nauka, 1996.
- Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenije. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis*. Leningrad, Nauka, 1987.
- VALOVA, L. V.: *Aspektual'naja semantika narrativa*. In: Aktual'nyje problemy gumanitarnykh i jestestvennykh nauk, 2013, № 09 (56), 164–166.
- VALOVA, L. V.: *Aspektual'naja situacija kak tekstovaja jedinica*. In: VERBUM: jazyk, tekst, slovar': Sb. nauč. tr.: Posvjaščajetsja jubileju L. G. Babenko. Jekaterinburg, 2006, 359–363.
- VALOVA, L.: *Osobennosti vyraženiya semantičeskogo priznaka dlitel'nosti na urovne celostnogo chudožestvennogo teksta*. In: Opera Slavica XXIII, 2013, č 4, 17–24.

Материалы:

BUNIN, I.: *Solnečnyj udar*. <http://lib.ru/BUNIN/buninoz.txt>

KUPRIN, A.: *Allez!* <http://lib.ru/LITRA/KUPRIN/allez.txt>

NABOKOV, V.: *Katastrofa*. <http://lib.ru/NABOKOW/catastrophe.txt>

Liudmila Vladimirovna Valova

University of West Bohemia, Plzeň, Czech Republic

ludmila.v.v@mail.ru